

УДК 903(470)"633"

Экологический подход в призме источниковедения*

А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

Аннотация. Поводом к появлению настоящей рецензии послужил выход в свет статьи С. Н. Лисицына с претензионным названием «Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе», опубликованной в 2017 г. в журнале «Stratum plus». Источниковедческий анализ материалов, лежащих в ее основе, показывает, что всем им сознательно приписываются свойства, которыми они в реальности не обладают. Искажению подверглись все основные характеристики геоархеологических объектов, избранных С. Н. Лисицыным в качестве эталонных для разработки своей периодизации. Подобный подход, известный в литературе как «методика улучшения качества источников», не соответствует нормам научной этики.

Ключевые слова: Центральная Россия, плейстоцен, голоцен, финальный палеолит, мезолит, геоархеологические источники, критика.

*Подрывается источниковедческая база наших исследований.
Что же можно противопоставить... опасной для науки тенденции?
Только одно – критику. Профессиональную критику источников...
А. А. Формозов*

Вступление

«Археологию принято считать одним из наиболее надежных, менее иных подверженных искажениям инструментов источниковедения. В общем, это так и есть. Но не всегда осознается, что, перерабатывая древние объекты, археолог вынужден создавать новый источник... В этом отношении археолога можно сравнить только с реставратором музейных ценностей: оба часто подвергаются искушению... расширить долю своего участия в работе с памятником, а то и полностью уступив этому искушению, ввести в оборот свое собственное творение как объект, издревле и независимо от них существовавший» [Беляев, 2011, с. 51]. Начиная с этой цитаты, хочу искренне извиниться перед читателями, что вновь [Сорокин, 2001] приходится говорить о проявлениях вольного обращения с археологическими материалами. Непосредственным поводом послужило появление в печати статьи С. Н. Лисицына «Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе» [Лисицын, 2017].

Проблема заселения Центральной России в финале палеолита – мезолите, вследствие отсутствия хорошо стратифицированных и полноценно

* Подготовлено при поддержке РФФИ: проект № 16-06-00078 «Естественно-научные методы исследования геоархеологических объектов Европейской России».

исследованных памятников, благодаря которым можно разубить давний «гордиев узел», остается по-прежнему актуальной. Не в первый раз высказывается по этому поводу и С. Н. Лисицын [2006; 2010; 2012; 2014]. В целях экономии места и времени не буду следовать принятой в рецензиях норме – изложению концепции С. Н. Лисицына, которую каждый может уяснить из его статьи [Лисицын, 2017], а обращусь непосредственно к первоосновам: критике тех источников, которыми он оперирует. Журнальный объем вынуждает ограничиться материалами стоянок Золоторучье 1, Становое 4 и Вашана, которые С. Н. Лисицын считает наиболее добротными в источниковедческом отношении [Там же, с. 60].

Критика источников

Вашана. Вашана – единственный из трех эталонных, по С. Н. Лисицыну [Там же], памятников, раскопанный им самим. Начнем, казалось бы, с мелочей. Для этого обратимся к размеру вскрытой площади. Сравнение публикаций [Анисюткин, Лисицын, 2007; Лисицын, 2011, 2017] показывает явное разночтение в цифрах. Из 5 квадратов, заложенных Н. К. Анисюткиным в 2001 г., до материка был раскопан лишь 1 м², в 2002 г. – еще 2 м² [Анисюткин, Лисицын, 2007, с. 134]. В 2009 г. С. Н. Лисицыным к шурфу Н. К. Анисюткина прирезано – здесь разночтение – 6 м² [Лисицын, 2011, с. 106] или 4 м² [Лисицын, 2017, с. 81], из которых до материка доведено 3 м² [Лисицын, 2011, с. 108]. Следовательно, за три года работ материк был достигнут на площади 6 м², однако в итоговой статье указывается, что вскрыто 7 м² [Лисицын, 2017, с. 81]. Казалось бы, на эту рядовую ошибку вряд ли имеет смысл обращать внимание, хотя бы потому, что за искажением величины вскрытой площади злого умысла не стоит, однако пренебрежение цифрами уже на данном этапе не вселяет уверенность в точности других данных, которыми оперирует автор.

Теперь о стратиграфии памятника. Колонка напластований в шурфе Н. К. Анисюткина включает 12 разных литологических прослоев, из которых 6 содержат археологические материалы [Анисюткин, Лисицын, 2007, с. 134, 135, 146]. В шурфе 2009 г. сходной глубины С. Н. Лисицыным выделено 16 прослоев, в 4 из которых присутствовали артефакты [Лисицын, 2011, с. 106, 107], т. е. число культуросодержащих слоев явно разное. Наложение разрезов подтверждает их несоответствие друг другу, что неудивительно вследствие весьма сложной геоморфологии Вашаны. Малая вскрытая площадь и наличие между основаниями шурфов 2001–2002 и 2009 гг. перемычки толщиной не менее 1 м не позволяют выяснить, с чем подобная нестыковка связана. Хуже, однако, другое: из-за этого нельзя корректно соотносить имеющиеся в шурфах горизонты погребенных почв, весьма важные и для естественной истории, и для этапов существования конкретного геоархеологического объекта.

Наиболее многочисленными в шурфе Н. К. Анисюткина оказались артефакты из ископаемой почвы, обозначенной как слой 9 [Анисюткин, Лисицын, 2007, с. 134–135]. Единственное, что его выделяет, это практическое

отсутствие в наборе культуруопределяющих форм, поэтому вполне очевиден вывод: объективная культурная атрибуция каменных изделий слоя 9, впрочем, как и всех других, еще менее представительных, невозможна. Из данного слоя отобраны два образца, возраст первого (древесный уголь) составил 9600 ± 450 л. н. (ЛЕ-6285), второго (фауна) – 9680 ± 160 л. н. (ЛЕ-6644). «Обе даты относят памятник к пребореалу, что – по мнению С. Н. Лисицына – вступает в противоречие с геологическими условиями залегания культурных остатков в позднеплейстоценовом суглинке» [Анисюткин, Лисицын, 2007, с. 138]. Утверждение о возрасте суглинка не соответствует действительности уже хотя бы потому, что никто из геологов памятник не осматривал и такого заключения не делал. В соответствии с современными представлениями о Волго-Окском мезолите каменные изделия из слоя 9 вполне могут иметь пребореальный возраст, что, за отсутствием культуруопределяющих форм, ни в какой степени не проясняет вопроса об их культурной принадлежности.

Из шурфа 2009 г. датированы три образца. Наиболее молодая дата, 5050 ± 100 л. н. (SPb-94), получена по образцу гумуса из погребенной почвы, которая залегает на глубине 1,5–1,8 м от поверхности, подстилает культуросодержащий слой 1 и отделяет его от слоя 2 [Лисицын, 2011, с. 106–108]. Благодаря четкой позиции почва и дата не имеют к «слоям»¹ 1 и 2, вопреки утверждению С. Н. Лисицына [2011, с. 107, 108], никакого отношения. Единственное, о чем можно говорить, что возраст подстилающей пачки и культуросодержащего горизонта 2, по-видимому, древнее данной цифры. Оговорка вполне уместна в силу того, что геоморфология и стратиграфия Вашаны достоверно не изучены. Крайне важно здесь еще то, что местоположение образца и его возраст указывают на высокую скорость седиментации, что значительно для характеристики памятника.

Малочисленные артефакты обоих верхних (1 и 2) «слоев» [Лисицын, 2011, с. 108] были связаны с обломками известняка, упавшими с плато в результате эрозионных и делювиальных процессов. Значит, по характеру генезиса это типичные культуросодержащие горизонты, археологический материал в которых оказался случайно, а никак не полноценные культурные слои. Эти прослои не увеличивают источниковедческой ценности Вашаны, но отражают особенности седиментации, что, впрочем, не нашло должного отклика у С. Н. Лисицына [2011, 2017]. А должно было найти, ведь их залегание на глубине в $1,05\text{--}1,3$ м² [Лисицын, 2011, с. 106] с материалами раннего железного века и $2,5\text{--}2,7$ м [Там же, с. 108] со всей определенностью свидетельствует о чрезвычайно высокой скорости осадконакопления, присущей памятнику.

Наиболее раннюю дату получил так называемый слой 4: «При раскопках Вашаны в 2009 г. культурный слой 4 был зафиксирован на глубине

¹ Если быть точным, это не культурные слои, а культуросодержащие горизонты. – А. С.

² Цифры 1,3–1,5 м для уровня находок слоя 2, приведенные в статье С. Н. Лисицына [2011, с. 108], явно неверны, так как прямо противоречат данным, приведенным в той же статье выше [Лисицын, 2011, с. 106].

3,7–3,8 м от поверхности³. Он оказался отделен от вышележащего 3-го культурного слоя 40-сантиметровой толщиной стерильного суглинка. В нем были найдены древесные угольки, кусочки охры, осколки костей парнокопытных животных (ребра, фаланги, осколки трубчатых костей) и кремневые изделия. Каменные артефакты (43 экз.) представлены отщепами, пластинками и микропластинками (в обломках), в том числе обнаружен 1 отщеп со следами ретуши утилизации. Орудия представлены одним резцом на углу сломанной пластинки; нуклеусов нет. Среди микропластин попадают очень тонкие экземпляры, *вероятно, снятые с помощью отжима* (курсив мой. – А. С.). Новая датировка⁴ по древесному углю из 4-го культурного слоя – 8200±100 л. н. (SPb-92) оказалась существенно моложе, чем прежняя дата» [Лисицын, 2017, с. 81]. Здесь необходимо обратить внимание на три немаловажных обстоятельства:

1) отсутствие характеристики культурного слоя; нет даже попытки осознать, что же исследовано – полноценный культурный слой или культуросодержащий горизонт;

2) неясность, был слой 4 приурочен к погребенной почве или нет (сравните: [Лисицын, 2011, с. 106] и [Лисицын, 2017, с. 81]);

3) явную неуверенность С. Н. Лисицына в характере технологии первичного расщепления.

И уж совсем непонятно, на кого рассчитано утверждение, что единственный «угловой резец в Вашане имеет ближайшие аналогии в бутовской культуре» [Лисицын, 2017, с. 82]. Ни один здравомыслящий исследователь единичными изделиями не оперирует, особенно если речь идет о массовых, как резцы, типах. Тем более когда в рассматриваемом регионе имеются не менее трех мезолитических культур с аналогичными предметами [Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009].

На третьей дате остановимся ниже, здесь же обратим внимание на явное разночтение в характере литологии так называемого слоя 4: в публикации 2011 г. присутствует упоминание, что он приурочен к погребенной почве [Лисицын, 2011, с. 108], а в статье 2017 г. такой информации нет [Лисицын, 2017, с. 81]. Между тем это принципиально для характеристики Вашаны. При стабилизации поверхности и развитии почвенных процессов, признаками которых служат, в том числе, и горизонты погребенных почв, вероятность быстрого захоронения и сохранения органики крайне невелика. Это замечание справедливо, по крайней мере, для ряда многослойных местонахождений Европейской России. Наличие слоя 3, залегающего в погребенной почве, явное тому подтверждение – там фаунистических остатков нет. Однако органика в слое 4 сохраняется, и это тоже факт, а вот был ли он приурочен к погребенной почве – из текстов не ясно. Казалось бы, очередная частность, но из подобных мелочей складывается вполне конкретный вывод о методике работы С. Н. Лисицына с источником.

³ То есть всего на 1 м глубже, чем слой 2, что немаловажно.

⁴ Слоев 4 и 3 в шурфе Н. К. Анисюткина не было, поэтому датировка не может быть «новой».

Поскольку напластования шурфов 2001–2002 и 2009 гг. не согласуются друг с другом, обе ранних даты из шурфа Н. К. Анисюткина [Анисюткин, Лисицын, 2007; Лисицын, 2011] не имеют строгой привязки к конкретному слою в шурфе 2009 г. С. Н. Лисицына, и их нельзя использовать для датирования так называемого слоя 4. Здесь следует подчеркнуть, что слой 9 залегает на глубине 3,4–3,5 м [Анисюткин, Лисицын, 2007, с. 135], что более соответствует слою 3, зафиксированному на глубине 3,1–3,3 м [Лисицын, 2011, с. 106], особенно, если принять во внимание несомненный уклон напластований. А никак не слою 4, залегающему на отметке 3,7–3,8 м [Лисицын, 2011, с. 106], как говорит С. Н. Лисицын [2017, с. 81]. Таким образом, ориентироваться следует исключительно на дату 8200 ± 100 л. н. (SPb-92) из шурфа 2009 г. [Лисицын, 2011, с. 106; Лисицын, 2017, с. 81], реально «привязанную» к так называемому слою 4, но которую С. Н. Лисицын без всякого основания называет омоложенной [Лисицын, 2017, с. 81]. Это означает следующее: утверждение, что возраст нижнего слоя Вашаны относится к рубежу плейстоцена – голоцена [Анисюткин, Лисицын, 2007], явно несостоятельно.

Здесь необходимо вспомнить, что большинство финальноплейстоценовых – раннеголоценовых стоянок вообще не имеют визуально выраженного культурного слоя. Например, опыт работы Г. В. Сеницыной на памятниках финала палеолита – мезолита Валдайского Поозерья и Смоленского Поднепровья убедительно свидетельствует, что в пределах изучаемого полигона разнокультурные находки этого времени могут залегать отдельными, часто переслаивающимися, пятнами, когда более ранние находки дислоцируются выше, чем более поздние [Сеницына, 1996; 2000; 2008; 2013; 2015]. Аналогичные данные получены и на стоянке Кабалай в Литве, где «пятна» с финальнопалеолитическими свидерскими находками в ряде случаев залегали выше мезолитических скоплений [Ostrauskas, 1999, с. 35]. Все это лишний раз указывает на бездоказательность мнения С. Н. Лисицына об омоложенности указанной даты из слоя 4 шурфа 2009 г. Вашаны и невозможности использования дат из нижнего слоя шурфа Н. К. Анисюткина для обоснования его якобы более раннего возраста. Эти примеры как нельзя лучше оттеняют и диссонанс высотных отметок образцов и их возраста, который, помимо прочего, хорошо объясним феноменом турбации напластований.

«Взвешенный» характер залегания находок в слое 4, неясность их взаимосвязи с погребенной почвой и присутствие фаунистических остатков ясно указывают на высокую скорость тафономизации, возможно, в результате делювиального сноса. Это означает, что образец может вообще не иметь никакого отношения ко времени обитания. На фоне поликультурности Волго-Окского мезолита, когда все имеющиеся археологические культуры имели отжимную технологию, отсутствие в слое 4 Вашаны нуклеусов и орудий, включая наиболее показательное для культуроразличия охотничье вооружение, не позволяет достоверно соотнести имеющиеся на памятнике скудные материалы ни с одной из них.

Столь же «богат» состав перекрывающего слоя: «Культурный слой 3 на Вашане был зафиксирован на глубине 3,1–3,3 м от современной

поверхности и был связан с прослойкой слабогумусированного суглинка – погребенной почвой. Находки были представлены кремневыми отщепами и тремя грубопризматическими одноплощадочными нуклеусами полукругового снятия с негативами скалывания широких отщепов (всего 89 экз.). Судя по нуклеусам с прямыми и слабоскошенными площадками и отщепам с сильно выраженным ударным бугорком, применялась техника жесткого отбойника. Регулярные пластины и микропластины среди находок 3-го культурного слоя отсутствовали. По древесному углю была получена ^{14}C -дата 7120±100 (SPb-93), которая относится к раннему неолиту. Однако залегание в суглинках на глубине более 3 м и технико-типологические особенности артефактов противоречат столь поздней датировке» [Лисицын, 2017, с. 81]. Из этой цитаты можно со всей определенностью сделать несколько выводов:

- 1) слой 3 залегает в погребенной почве, и он может рассматриваться как культурный;
- 2) фаунистические остатки в слое 3 отсутствуют;
- 3) культурозначимых форм каменного инвентаря нет, однако технологические признаки явно указывают на ранне-неолитическую технологию первичного расщепления;
- 4) полученная датировка неолитическая, а никак не мезолитическая;
- 5) облик изделий и дата хорошо коррелируются между собой;
- 6) вывод об омоложенности образца и его несоответствии глубине залегания слоя 3 не имеет фактических оснований; ни тот ни другой к мезолиту отношения не имеют.

К этому можно добавить, что залегание слоя 3 всего на 40 см ниже «слоя» 2 никак не говорит, вопреки утверждению С. Н. Лисицына, об его значительной древности. Если говорить объективно о возрасте слоев 3 и 4, ориентируясь на имеющиеся данные, а не на некие изобретенные улучшенные показатели, то размер вскрытой площади и объем добытого материала вообще не дают основания для определения характера вскрытого участка. Судя по составу изделий, инвентарь слоя 3 мог быть связан с первичной обработкой каменного сырья, если точнее – начальной стадией утилизации нуклеусов, при которой отжимное расщепление не применяется. А вот ударное расщепление в «технике жесткого отбойника» для этой стадии – технология наиболее разумная. Более того, она хорошо известна в ранне-неолитических комплексах региона. К этому необходимо добавить, что орудия в слое 3 отсутствовали, поэтому ни о какой культурной специфике изделий говорить вообще не приходится. Таким образом, противоречия между полученной датой и техникой расщепления нет. Напротив, они отменно согласуются друг с другом, и материал слоя 3 к мезолиту отношения не имеет, он неолитический. Стандартная высокая скорость формирования конусов выноса в устьях многочисленных балок, характерная для притоков р. Оки, текущих по отрогам Средне-Русской возвышенности, вполне позволяет формировать разово довольно мощные прослои. В зависимости от того, что размывается и перемещается, это могут быть как рыхлые отложения плато и террас, так и продукты разрушения известнякового цоколя, выходящего в

границах полигона практически на поверхность. В шурфах Вашаны это нашло непосредственное выражение как в пачках суглинков, так и отложениях из известняковой щебенки и сопровождающих ее валунов высококачественного кремня.

Следовательно, учитывая геоморфологическую позицию памятника и высокую скорость седиментации в регионе, глубина залегания слоя 3 и заключенных в нем изделий никак не противоречит выводу об их неолитическом возрасте. Здесь необходимо заметить, что и самый верхний «слой» 1, относящийся, судя по единственному фрагменту керамики, к раннему железному веку, а отнюдь не неолиту – бронзе [Лисицын, 2011, с. 108], лежит не на дневной поверхности, а на глубине 1,05–1,3 м [Лисицын, 2011, с. 106]. Дислокация верхней погребенной почвы на глубине 1,5–1,8 и ее поздненеолитический возраст (5050±100 л. н. (SPb-94)) тоже, несомненно, свидетельствуют о высокой скорости осадконакопления на низких орографических уровнях. Об этом же говорит и почти полное отсутствие на краевом участке плато рыхлых покровных отложений, постоянно смываемых внешними водами. Совершенно очевидно, что геоморфология региона, топография полигона и особенности седиментации не позволяли покровным отложениям «залеживаться» на плато. Значительные объемы суглинка могла доставлять и балка, оконтуривающая останец, а также периодические разливы самой р. Вашаны, поэтому глубина залегания культуросодержащих и культурных слоев и мощность напластований ничего не говорят о длительности процесса осадконакопления, напротив, все указывает на их быстротечность и явную ошибочность выводов С. Н. Лисицына.

Таким образом, с мнением С. Н. Лисицына об омоложенности даты для слоя 3 согласиться нельзя. Артефакты неолитические, как, впрочем, и его возраст. Нет никаких оснований и для удревления слоя 4: изделия, происходящие из него, позднемезолитические, а глубина залегания обоих слоев вполне согласуется с характером седиментации и не подтверждает мифической молодости образцов. Это означает, что утверждение об омоложенности дат из слоев 3 и 4 [Лисицын, 2017, с. 81] и что правильными являются даты из шурфа Н. К. Анисюткина, по которым следует соотносить «датировку нижнего 4-го культурного слоя Вашаны с первой половиной пребореала», а вышележащий «комплекс» (слой 3) «должен относиться к середине – второй половине пребореала – началу бореала» [Там же, с. 83–84] не имеет фактических оснований.

Интересно, что и сам С. Н. Лисицын, осознавая зыбкость своих аргументов, вынужден признать: «Орудийный набор обоих культурных слоев из-за малой вскрытой площади ничтожен и, как и на Золоторучье 1, типологически не полон» [Там же, с. 82–83]. Однако тут же автор делает абсолютно нелогичный вывод: «благодаря различному технологическому контексту бутовской и иеневской культур, даже такие бедные материалы, как полученные на Вашане и на Золоторучье 1, поддаются археологической атрибуции» [Там же, с. 83]. Нет, и еще раз нет. Никаких состоятельных аргументов в пользу атрибуции артефактов из слоев 3 и 4 Вашаны С. Н. Лисицыным не

приведено, и говорить об их культурной принадлежности, как и исключительно мезолитическом возрасте, неуместно. Неуместно из-за отсутствия охотничьего вооружения, малочисленности и невыразительности орудий, а также невозможности их корректного соотнесения с какой-либо из Волго-Окских мезолитических культур. Здесь, хотя бы вкратце, следует коснуться вопросов определения возраста, поскольку радиоуглеродные даты служат С. Н. Лисицыну основой для пересмотра возраста Вашаны в тактическом и построения новой периодизации в стратегическом планах.

Немного о радиоуглеродном датировании и палинологии. Для Вашаны получено пять радиоуглеродных дат [Анисюткин, Лисицын, 2007; Лисицын, 2011; 2017]. Как показывает перекрестное сравнение текстов, одни и те же даты, например, из шурфа Н. К. Анисюткина, в зависимости от обстоятельств, выступают то как «омоложенные» [Анисюткин, Лисицын, 2007], то становятся «правильными» и противопоставляются другим, «явно омоложенным» [Лисицын, 2011; 2017], а «омоложенные» отбрасываются [Лисицын, 2017]. Современное состояние науки, когда радиоуглеродное датирование стало массовым, обязывает:

- 1) знать контекст образца и точное место его взятия;
- 2) доказывать его соотнесение со слоями и артефактами;
- 3) объяснять наблюдаемые противоречия и нестыковки.

Любому профессионалу должно быть еще со студенческой скамьи известно, что слепое восприятие радиоуглеродных дат без их критики и осознания того, а что, собственно, датировано, такое же бессмысленное занятие, как и разработка в современных условиях периодизаций на подъемном материале. В качестве примера уместно вспомнить, что для стоянок так называемой иеневской культуры в разные годы было получено, помимо радиоуглеродных дат, несколько суббореальных палиноспектров. Означает ли это, что «иеневское население» доживает до столь позднего периода? Разумеется, нет. Надо ли отбрасывать эти данные как недостоверные? Опять нет и еще раз нет. Надо только уяснить одну элементарную вещь: радиоуглеродные даты и палинология обычно отражают возраст образцов, а отнюдь не тех находок, рядом с которыми они отбирались и к которым обычно не имеют отношения. А пыльца, помимо того, что стандартно вмывается в подстилающие отложения дождевой и грунтовой водой, еще и произвольно перемещается дождевыми червями [Wood, Johnson, 1978].

Приведу несколько примеров, связанных с датированием и имеющих непосредственное отношение к источниковедению. На стоянках Мещерской низменности «разлет» дат по образцам из кострищ в Жабках 3 составил порядка 2300 лет [Кравцов, Леонова, Лев, 1994; Кравцов, 2004, с. 44], в Черной 1 – около 2700 лет [Кравцов, Лозовский, 1989, с. 159; Кравцов, Лозовский, Спиридонова, 1994], а в Беливо 4А – вообще 4100 лет [Кравцов, Луньков, 1994]. Учитывая, что в двух последних нет неолитических или каких-либо более поздних материалов, означает ли это, что оба памятника существовали столь большой срок, причем, как в случае с Беливо 4А, превышающий по длительности весь мезолит? Что мы имеем в реальности –

«длинную хронологию» или то, что по каким-то причинам часть дат оказалась неверна? Здесь, как нельзя кстати, поможет знание почвоведения и феномена углекислотности, из-за отсутствия которого неопытные археологи отдают на анализы образцы углей, росших некогда на памятнике деревьев, не имевших никакого отношения ко времени обитания. Что, судя по всему, и имело место в конкретных случаях.

Теперь совсем свежий пример. Один из образцов погребения № 2 стоянки – могильника Милино 2 в Подмосковье, обработанный в 2017 г. в AMS-лаборатории Университета Упсала (Норвегия), дал дату 2909 ± 33 л. н. (Ua-55485). Возраст данного могильника точно не установлен, но интервал этот соотносится с концом плейстоцена – началом голоцена [Среда обитания ... , 2002]. Дает ли основание новая дата говорить, что место использовалось еще и в позднейшее время? Формально – да, а реально – нет. Дело в том, что имеющаяся серия дат указывает на то, что в диапазоне 3200–1900 л. н. Заболотская палеоозерная котловина была затоплена водами вторичного озера [Среда обитания ... , 2002; Mesolithic–Neolithic settlements ... , 2015; Vandenberghe, Gracheva, Sorokin, 2010] и никакие грунтовые захоронения здесь, следовательно, производиться не могли. Более того, содержание коллагена в костной ткани оказалось менее критического значения, поэтому заведующий AMS-лаборатории Университета Упсала профессор Гёран Поснерт допустил высокую вероятность его заражения молодым углеродом. Таким образом, полученную дату можно считать невалидной и не принимать в расчет при определении хронологии могильника Милино 2.

Подобные примеры можно множить и множить, но и уже приведенные показывают, что любые естественно-научные данные нельзя воспринимать слепо, без критики. Вот почему, зная характер памятников, которыми оперирует С. Н. Лисицын в статье, можно смело утверждать, что практически ни одна из приведенных дат [Лисицын, 2017, с. 95] не имеет отношения к тем «культурам», к которым он их пытается отнести. Следует заметить, что в науке всегда важно уметь интерпретировать результаты, а не заниматься их подгонкой под новые схемы. Никакие даты отбрасывать нельзя, а вот пытаться понять, что полученные результаты отражают – время формирования слоя, эпизоды постдепозиционных изменений, особенности «жизни» конкретного образца или возраст реальной датированной вещи – следует непременно.

Вернемся, однако, к Вашане. Знакомство с памятником и его коллекцией в поле, а также анализ публикаций [Анисюткин, Лисицын, 2007; Лисицын, 2011; 2017] дают основание утверждать, что находки из всех четырех слоев, вопреки мнению С. Н. Лисицына, невозможно за отсутствием культуроопределяющих форм корректно соотнести ни с одной из известных Волго-Окских мезолитических культур. И все попытки С. Н. Лисицына, не имеющего опыта работы с эталонными Волго-Окскими коллекциями, убедить в обратном, а также утверждение о предшествовании так называемых бутовских изделий так называемым иеневским являются не более чем предположением, не соответствующим фактам. О чем вообще можно говорить при такой ничтожной вскрытой площади и крайне невыразительной коллекции?

Вспоминается классический пример, когда датский исследователь Андерс Фишер материалы Троллесгаве, представлявшие собой «точок», где производилась первичная обработка, уверенно соотнес с культурой бромме [Fisher, 1985; 1990]. Но у него иного выбора не было: технология жесткого отбойника на этой территории характерна исключительно для нее и весь технологический контекст указывал на это совершенно определенно. Зато в Волго-Окском бассейне представлены материалы не менее трех мезолитических культур – заднепильевской, култинской и пургасовской, каждой из которых присуща отжимная технология и микропластинчатая индустрия [Сорокин, 2008; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009]. Казалось бы, есть над чем задуматься, но С. Н. Лисицын смело соотносит слой 4 Вашаны с так называемой бутовской культурой, а слой 3 – с так называемой иеневской культурой. Тут можно лишь удивиться «прозорливости» исследователя: чтобы определить принадлежность находок, ему не нужны не только культуроопределяющие формы и знание технологического контекста, но даже не требуется достаточного количества самого материала.

Не вызывает сомнения, что все усилия С. Н. Лисицына не более, чем попытки «улучшения качества источников», придания им свойств и качеств, которыми они не обладают. Мультислойчатость Вашаны представляет несомненный интерес, однако степень его изученности крайне низка и, если быть объективным, недостаточна для полноценных выводов. В ходе изысканий не проводилось геологического обследования территории, не была изучена геоморфологическая позиция памятника, не осуществлялось изучение погребенных почв. В геоархеологическом отношении Вашана – «источниковедческая *terra incognita*», которую еще только предстоит грамотно изучить. Сколько, однако, этих потенциально значимых геоархеологических объектов осталось неисследованными, а чаще было загублено во имя благих помыслов и великих идей? Неизвестно, произойдет ли когда-либо полноценное изучение Вашаны, очевидно одно: пока прошел лишь предварительный этап полевого изучения стоянки, характеризующийся минимальными реальными результатами.

Материалы Вашаны в источниковедческом отношении не пригодны для объективных исследований и не могут использоваться для решения заявленных С. Н. Лисицыным задач. Все его выводы относительно памятника не имеют фундаментальной базы и являются не более чем предположениями, не подтвержденными реальным материалом. Интерпретации, приводимые им, противоречивы и недостоверны, а культурная принадлежность артефактов бездоказательна. С. Н. Лисицын, к сожалению, не имеет представления о материалах финального палеолита – мезолита региона, его практические познания не распространяются ни на эпонимные коллекции, ни на другие наиболее выразительные собрания.

Таким образом, Вашана не выдержала проверки критикой. Ее источниковедческий потенциал явно завышен и не соответствует реалиям. Она не может претендовать на звание опорного памятника как по количеству и составу находок, так и (в особенности) по применявшейся С. Н. Лисицыным

методике препарирования данных. Теперь следует вспомнить и о двух других стоянках (Становое 4 и Золоторучье 1), являющихся для С. Н. Лисицына, как и Вашана, эталонными [Лисицын, 2017, с. 60].

Становое 4. Стоянка открыта М. Г. Жилиным в 1992 г. и исследована в 1993–2002 гг. по условным горизонтам с выборочной фиксацией находок на площади около 600 м² [Жилин, 1998; 2002; Аверин, Жилин, 2001; Аверин, 2002; Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002]. В то время, когда производились раскопки, подобная методика была уже явным анахронизмом в мезолитоведении и ее применение сделало результаты в источниковедческом отношении явно ущербными. Казалось бы, воспитаннику ленинградской школы палеолитоведения это должно быть хорошо известно, но по непонятным причинам С. Н. Лисицын придерживается иного мнения. Он полагает следующее: «С точки зрения последовательности событий в культурной стратиграфии раннего мезолита Верхневолжья *принципиальным событием является обнаружение М. Г. Жилиным на Становом 4 в 1994 г. иеневского эпизода обитания на памятнике с несколькими бутовскими культурными слоями*⁵)» [Лисицын, 2017, с. 84]. Он, правда, далее признает, «что *бутовские и иеневские материалы на Становом 4 не были зафиксированы в стратиграфической колонке одного раскопа*)» [Там же], и на этом, казалось бы, логично поставить точку и оставить памятник в покое. Однако С. Н. Лисицын тут же добавляет: «...последовательность находок двух культур обеспечена естественно-научной аналитикой и свидетельствует о том, что иеневский слой датируется позднее древнейшего бутовского» [Там же].

Однако следует автора огорчить: нет и еще раз нет. «Аналитика», как и статистика, нередко подтверждает все, что от нее ждут. По моему убеждению, стратиграфия, опубликованная М. Г. Жилиным [Жилин, 1998, 2002; Аверин, Жилин, 2011], недостоверна [Сорокин, 2008, 2016; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009], и корректного соотношения дат и артефактов в Становом 4 никто даже не пытался сделать. Анализ документации показывает, что никакой промежуточной позиции прослоя с асимметричными наконечниками стрел между прослоями с симметричными наконечниками в Становом 4 нет. Напротив, «асимметрия» залегает непосредственно над галечником, и никакая «симметрия» ее не подстилает, зато прослоем с «симметрией» она, несомненно, перекрывается. В свою очередь залегание единственного позднемезолитического наконечника с вентральной ретушью в другой части стоянки над галечником, вне «иеневской линзы», объясняется весьма прозаично, но для этого нужно знать хотя бы азы почвоведения. А объяснение элементарное: наконечник «выпал из контекста» (перекрывающего «иеневскую» линзу слоя 3 с так называемыми бутовскими находками) исключительно в результате педотурбации напластований. Мог он переместиться вниз и тогда, когда все эти сапропелевые прослои были еще жидкими. Подобное состояние основано на данных комплексного биоморфного анализа, выполненного О. Н. Успенской [Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002, с. 118],

⁵ Здесь и далее по абзацу выделено мною. – А. С.

которая их и интерпретировала как сугубо водные отложения (сапропели и органогенный ил), а не торф. Мнение М. Г. Жилина, принявшего их за торф, явно ошибочно. Естественно-научные данные свидетельствуют, что в Становом 4 были вскрыты не суходольные слои с местами поселений, а типичные шлейфы, последовательность залегания в которых перемещенного инвентаря нужно уметь не только увидеть, но и грамотно расшифровать [Сорокин, 2008; 2016].

Необходимо со всей очевидностью подчеркнуть, что горизонты 3, 3а и 4 залегают в сапропеле и органогенном иле, следовательно, это никак не могут быть нормальные культурные слои, ведь человек в отличие от земноводных и рыб в воде не живет. Речь может идти исключительно о культуросодержащих напластованиях и шлейфах с переотложенными в них с суходола, где была стоянка (стоянки), материалами. И главная задача исследователя в этом случае – разобраться, прямая или обратная стратиграфия им исследуется. Разумеется, такого вопроса в ходе раскопок не стояло, ибо прослой с находками воспринимались в качестве торфов [Жилин, 1998, 2002] и предполагалось, что это суходола. Ошибочность подобной интерпретации, как отмечалось, совершенно очевидна из данных О. Н. Успенской [Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002]. Отложения, вскрытые в раскопе 3 Станового 4, водные, следовательно, В. А. Авериным и М. Г. Жилиным были раскопаны не суходола с нормальными поселенческими культурными слоями и структурами, а прослой водного генезиса и шлейфы стоянок, т. е. культуросодержащие отложения, что и определило характер седиментации, тафономизации артефактов и особенности их пространственного распределения. Что касается соотношения разных прослоев, С. Н. Лисицын, как и его предшественники, по-видимому, не знает, что галечное дно в протоках ровным не бывает, а уровень нижних по течению участков всегда ниже уровня вышележащих участков, из-за чего вода в них проточная. Вот почему при «слепом» восприятии глубин может создаться иллюзия, что одни прослой и предметы в них залегают выше других, т. е. моложе.

Таким образом, ошибка в интерпретации напластований и гипсометрической позиции культуросодержащих линз с неизбежностью ведет к неверной реконструкции в целом [Сорокин, 2008, 2016]. К этому необходимо добавить, что выборочная фиксация находок, применявшаяся при раскопках, не позволяет в принципе корректно определять взаиморасположение изделий, говорить об объективном предшествовании одних другим. Главная проблема, однако, не столько в том, что предложенная реконструкция не соответствует гипсометрической позиции артефактов, геоморфологии и генезису прослоев, сколько в вопросе привязки находок к стратиграфии.

Судя по всему, промежуточная позиция прослоя с «асимметрией» появилась в результате «улучшения качества источника». Пытаясь доказать недоказуемое, С. Н. Лисицын заявляет, что Исток 1 – «единственный памятник, где асимметрия стратиграфически предшествует симметрии» [Лисицын, 2017, с. 91]. Этим, однако, он в очередной раз расписывается в незнании волго-окских материалов. Кроме Истока 1 в этот список входят

Шильцева Заводь 5, Старо-Константиновская 4, материалы из шурфа Тихоново 1 и даже сама стоянка Иенево 2. Во всех них наконечники с боковой выемкой и трапеции залегали ниже симметричных наконечников с центральной ретушью и перекрывались ими, правда, пока не подверглись Л. В. Кольцовым [1989] задолго до М. Г. Жилина и С. Н. Лисицына процедуре «улучшения качества источников». Оба они усвоили уже готовую «методику», и пример Станового 4 из этого же числа.

Подводя краткие итоги анализа Станового 4, необходимо сказать, что в источниковедческом отношении памятник никакого интереса не представляет, он не может претендовать на звание эталонного и для решения проблем мезолитоведения Волго-Окского бассейна не годится. Попытка отнесения его материалов к эталонным – это не рядовое недоразумение, а искажение данных. В Становом 4 нет подстилания «асимметрии» «симметрией», и наконечники с центральной ретушью там достоверно перекрывают косолезвийные наконечники и трапецию.

Таким образом, с точки зрения источниковедения, Становое 4, как и Вашана, не выдерживает критики.

Золоторучье 1. Теперь перейдем к материалам третьей, эталонной для С. Н. Лисицына, стоянке – Золоторучье 1. В 1956–1964 и 1970-х гг. Д. А. Крайновым было заложено не менее 20 раскопов, не стыковавшихся друг с другом [Жилин, 2007], а общая вскрытая площадь составила 875 м² [Крайнов, 1959, 1964]. В ходе работ Д. А. Крайновым зафиксировано два финальнопалеолитических слоя, однако кессонная методика раскопок по штыкам разной мощности не привела к их реальной фиксации. Напротив, весь добытый материал в итоге был механически смешан. Предпринятая М. Г. Жилиным запоздалая попытка разделения каменного инвентаря по разным слоям [Жилин, 2007] закончилась безрезультатно [Сорокин, 2008; Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009], что, впрочем, не остановило С. Н. Лисицына. Бессмысленность этой затеи очевидна уже из тех соображений, что М. Г. Жилин работал непосредственно с коллекцией, но ничего практически не смог сделать, а С. Н. Лисицын, не имея опыта предшественника, попытался пойти от идеи. Он явно не учел простой истины: как подъемный материал ни раскладывай, ничего, кроме познаний конкретного археолога, результат отражать не будет, и доказать принадлежность выделенных «групп» к палеокомплексам невозможно.

В технологическом и культурном отношении инвентарь стоянки Золоторучье 1 достаточно специфичен. Так, М. Г. Жилин не соотносит его ни с одной из известных Волго-Окских культур, утверждая: «Сразу можно отметить, что прямых аналогий каменному инвентарю нижнего слоя стоянки Золоторучье 1 найти не удалось» [Жилин, 2007, с. 41]. Совершенно иначе думает С. Н. Лисицын, который уверенно разделяет коллекцию надвое по принципу пластинчатости [Лисицын, 2017]. Есть ли для этого основания? Никаких, особенно если знать, что степень пластинчатости – величина непостоянная, зависящая от множества факторов. Более того, без учета микростратиграфии напластований и пространственного распределения находок,

невозможно судить о том, комплекс перед нами или планиграфическое наложение разных эпизодов обитания. Вот почему принятие С. Н. Лисицыным за основу «скоплений», выделенных по пластовым планам М. Г. Жилиным [Лисицын, 2017, с. 78], неубедительно. Эти «скопления» не имеют отношения к палеореалиям. Напротив, совершенно очевидно, что методика раскопок и состояние полевой документации не позволяют без спекуляций заниматься процедурой разделения на «комплексы», как и определением «достоверной кучности находок» в принципе. В результате предлагаемая С. Н. Лисицыным сортировка по пластовым планам – процедура искусственная, не имеющая ни малейшего отношения к первоначальному состоянию памятника.

Предположение, что «скопления» представляют собой мастерские по первичной обработке камня [Лисицын, 2017], возможно, но присутствие в них всего типологического спектра обрабатывающих орудий делает его невероятным. Судя по всему, перед нами следы серии типичных базовых кратковременных стоянок, население которых использовало сырье невысокого качества. Это и вызвало перекокс в сторону нуклеусов, сколов и отходов первичного производства, а никак не некие культурные различия. Объем коллекции Золоторучья 1 таков, что отсутствие стандартного морфологически выраженного охотничьего вооружения – черешковых наконечников, трапеций и других микролитов – нельзя объяснить малочисленностью выборки, сезонностью и даже функциональностью. Все это, повторюсь, базовые стоянки на выходах сырья. Если что-то в Золоторучье 1 и можно отнести к охотничьему вооружению, то только редкие косые и скошенные острия и многочисленные микропластины без вторичной обработки, которые явно служили вкладышами в составном вооружении. Их наличие и определяет культурную специфику добытых материалов.

Единственная в Волго-Окском бассейне культура, где нет черешковых наконечников стрел и морфологически выраженных вкладышей и микролитов, называется култинской [Сорокин, 2006, 2008; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009]. Ее охотничье вооружение состояло из пазовых костяных и роговых наконечников, где вкладышами служили неретушированные микропластинки, дополняемые косыми и скошенными остриями. Последние выступали в роли боевых окончаний – острий с поворотным эффектом, и в виде боковых шипов, обладающих теми же свойствами. Именно такие формы и встречены в Золоторучье 1. Все это позволяет считать памятник наиболее ранним из известных в култинской культуре. А вот называть его бинарным в культурном отношении – это расписываться в незнании реалий Волго-Окского финального палеолита и мезолита.

Следует отметить, что разница в «скоплениях» вполне вписывается в ранний «пластинчатый» и поздний «отщеповый» этапы развития култинской индустрии [Сорокин, 2006, 2008, 2016; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009]. Но такой культуры С. Н. Лисицын, как оказалось, не знает. Вот почему он вновь нашел оригинальный выход и в целях соответствия своей периодизации разделил коллекцию надвое. Одну часть с «более пластинчатым

инвентарем» он отнес к так называемой бутовской культуре, а другую «с более отщеповым» – к так называемой иеневской культуре [Лисицын, 2017, с. 78]. Он так и пишет: «Если суммировать все признаки – отсутствие прямых аналогий данной индустрии, взаимоисключающие технологические особенности комплекса, а также отмеченное в профилях *разделение культурных остатков на две четкие углистые прослойки*⁶, то остается лишь единственное логическое объяснение – комплекс не может рассматриваться как стратиграфически и археологически гомогенный. На Золоторучье 1 представлены два разных культурных комплекса, четко отделяющихся друг от друга как в технико-типологическом, так и в хроностратиграфическом отношении» [Там же]. И далее: «Для удобства сравнения можно условно назвать один комплекс “отщеповым”, а другой “пластинчатым”. Как следует из выводов М. Г. Жилина, наибольшая “пластинчатость” была отмечена у 5-го скопления, а наибольшая “отщеповость” – у 3-го. Таким образом, каждое из этих скоплений является наиболее чистым⁷ в культурном отношении. ... В планиграфическом отношении скопление 5 было расположено дальше всего от обрыва террасы и выше остальных по склону от Волги. Скопление 3, напротив, занимало позицию ближе к краю террасы... логично полагать, что расположенное гипсометрически выше “пластинчатое” скопление 5 относится к более раннему этапу заселения мыса, а пониженное “отщеповое” скопление 3 – к более позднему...» [Там же]. На каком основании делается подобный вывод? Оказывается, «подтверждением такой интерпретации служит разная мощность углистых прослоек. Нижняя и более тонкая прослойка может ассоциироваться с “пластинчатым” комплексом, а наиболее мощная верхняя – с количественно преобладающим “отщеповым»» [Там же]. То есть возраст комплексов определяется автором не по радиоуглероду или другим признанным методам датирования, а по толщине прослоек, реально не зафиксированных в процессе раскопок, а последовательность эпизодов обитания не по стратиграфии, а «удаленности скоплений от воды». Тем не менее подобное «ноу-хау» вряд ли удастся запатентовать, ведь расстояние до реки – это признак, обычно характеризующий сезон обитания: летние стоянки располагаются у воды, а зимние, напротив, удалены от нее [Сидоров, 2009].

Стратиграфия и материалы Золоторучья 1 во время раскопок не были достоверно зафиксированы. Методика раскопок не отвечала сложности памятника, и коллекция в итоге оказалась, как отмечено выше, механически смешана. Это можно утверждать со всей определенностью, как и то, что первоначально оба нижних финальнопалеолитических слоя стратиграфически четко различались. Учитывая все сказанное, любые попытки разделения коллекции на два разнокультурных «комплекса» следует считать

⁶ Выделено мной. – А. С.

⁷ «Пластинчатость» и «отщеповость» в силу глобальности этих понятий никак не могут определять «чистоту» материалов – это абсолютно разные никак не связанные друг с другом категории.

неуместными, а выводы – недостоверными. Никакой палеореальности они не соответствуют и ничего содержательного не отражают.

Время формирования пойм основных рек Европейской России в свете современных данных – это поздний плейстоцен, а не голоцен [Еременко, Панин, 2010; Панин, Сидорчук, Борисова, 2005; Панин, Сидорчук, Чернов 2011]. В Золоторучье 1 нижние культурные слои приурочены к аллювию первой террасы, следовательно, эти напластования тем более не могут быть голоценовыми. Именно как позднеплейстоценовые они и были определены крупнейшим отечественным палеогеографом А. А. Величко, осматривавшим памятник в ходе его раскопок [Жилин, 2007]. Таким образом, утверждение С. Н. Лисицына о голоценовом возрасте нижних слоев Золоторучья 1 прямо противоречит имеющимся естественно-научным данным.

Палеорельеф в ходе раскопок Золоторучья 1 проявлен не был, точное гипсометрическое положение слоев не зафиксировано, пространственной фиксации слоев и находок, которые могли бы в нынешних условиях помочь запоздалому проявлению их структуры, тоже не производилось. Поэтому любые попытки гадания на удаленных друг от друга «скоплениях» – что из них выше и древнее, что ниже и моложе, а тем более реконструкция на этой основе эпизодов заселения с построением объективной хронологии памятника – не более, чем очередное «улучшение качества источников», точно такое же, как и стратиграфия Станового 4.

Что же касается различий в «скоплениях» Золоторучья 1, то они, как отмечалось, вполне хорошо объясняются сезонными, функциональными и хронологическими причинами. Впрочем, нынешнее состояние источника (коллекции и документации памятника) не позволяет полноценно решить подобный вопрос. Единственное, о чем можно говорить уже сейчас и вполне определенно, так это о том, что нельзя настаивать на бинарности Золоторучья 1 и говорить об иной, чем култинская культура, принадлежности. Основания для разделения коллекции памятника на две разных культуры отсутствуют. Отложения, в которых были заключены оба его нижних слоя, имеют плейстоценовый возраст, и, следовательно, для решения проблематики и характеристики культур голоценового времени коллекция Золоторучья 1 не годится. Попытка С. Н. Лисицына приписать памятнику более молодой, чем поздний плейстоцен, возраст на основе отсутствия среди фауны костей северного оленя, представляется несостоятельной. Сам облик фаунистических остатков определил неполноту добытых данных, прямым следствием чего служат лакуны с информацией. А все усилия С. Н. Лисицына доказать поликультурность материалов означают не что иное, как попытку загнать спорные исходные данные в мертворожденную схему периодизации.

Как известно, тезис об отсутствии костей северного оленя служит С. Н. Лисицыну для обоснования голоценового, а отнюдь не плейстоценового возраста памятников, в частности Золоторучья 1 и Вашаны. Чтобы снять вопрос относительно безуспешных поисков С. Н. Лисицыным костей карибу в голоценовых стоянках, приведу всего один пример, правда, из этнографии. Зато он полностью снимает саму эту задачу. Северного оленя русские

крестьяне отстреливали на территории Тверской губернии вплоть до середины XIX в., но пресечены его кочевья были не столько ими, сколько постройкой Николаевской железной дороги, движение по которой было открыто в 1851 г. [Симченко, 1976; Сыроечковский 1986]. К этому необходимо добавить лишь то, что бессмысленно обсуждать состав фауны без достоверного и надежного в источниковедческом отношении каменного инвентаря, ибо первостепенная задача археолога отнюдь не в пополнении экологических данных, а в решении насущных геоархеологических проблем.

Таким образом, в источниковедческом отношении коллекция Золоторучья 1, как и двух других «эталонных» памятников С. Н. Лисицына – Вашаны и Станового 4, – не выдерживает критики. Ненадежность добытых данных является прямым следствием методики полевых исследований стоянки, считать которую опорной нет никаких оснований.

Этим заканчивается список стоянок, используемых С. Н. Лисицыным в качестве «базиса» предложенной им периодизации. Если подводить краткие итоги критического анализа перечисленных источников, необходимо сказать:

1. Степень изученности Вашаны минимальна, материал статистически непредставителен, неразличим в культурном отношении и непригоден для объективного анализа.

2. Материалы Золоторучья 1 и Станового 4 (за исключением слоя 3а) статистически представительны, но методика раскопок этих стоянок не соответствует современным требованиям. Обе коллекции не могут рассматриваться в качестве надежных и эталонных.

4. В Вашане и Золоторучье 1 нет морфологически выраженных черешковых наконечников стрел и геометрических микролитов. В силу этого оба памятника непригодны для решения вопроса соотношения «культур с черешковыми наконечниками» [по: Taute, 1968].

5. Сочетание асимметричных и симметричных наконечников имеется лишь в Становом 4, однако первичные данные об их залегании искажены, поэтому материалы стоянки не могут использоваться для разработки достоверной периодизации.

6. Первичные данные всех трех «эталонных» памятников – Золоторучье 1, Становое 4, Вашана – подверглись «улучшению». Их материалы, следовательно, в источниковедческом отношении никакого интереса не представляют и не могут использоваться для выработки полноценной периодизации древностей.

Критический анализ источников, положенных в основу периодизации С. Н. Лисицына, показывает их полную источниковедческую ненадежность и невозможность использования для объективных выводов.

Обсуждение

Проведенный анализ со всей очевидностью показывает, что С. Н. Лисицын не знает первичных данных, и не видел, за редчайшим исключением, «живых» коллекций, поэтому обсуждение, что в них есть, чего нет, на что они похожи или непохожи, к каким культурам их можно отнести, а к каким

нет, лишено всякого смысла. Литературные познания, даже обширные, не в состоянии заменить незнание реальных материалов. Бесмысленно играть в колонки «многослойных стоянок Золоторучье 1, Становое 4 и Вашана, обеспеченных ^{14}C датировками и фаунистическими данными» [Лисицын, 2017, с. 60], если в источниковедческом отношении все они ничего собой не представляют. Предложенная С. Н. Лисицыным сортировка материалов неубедительна, выделенные им «комплексы» не имеют отношения к тем реальным объектам, которые существовали в древности, и ничего, кроме специфических представлений исследователя, не отражают. Ни один из памятников, привлекаемых С. Н. Лисицыным для создания «новой» периодизации древностей, не выдерживает критики и не является полноценным археологическим источником, и ни один из них, вопреки его утверждению, не может быть вообще привлечен для решения заявленных проблем.

Бесмысленно дискутировать с человеком, который плохо знаком с Волго-Окскими материалами, поэтому не буду касаться проблематики рессетинской, заднепилевской, култинской или пургасовской культур, коллекции которых С. Н. Лисицын не видел, и чтобы создать равные условия, возьму в качестве примера материалы, полученные Г. В. Сеницыной [Сеницына, 1996, 2000, 2008, 2013, 2015; Сеницына, Кильдюшевский, 1996; Сеницына, Спиридонова, Лаврушин, 1997; О хронологии археологических ... , 2009; Сеницына, Лаврушин, Спиридонова, 2012]. Выбор мой основан на том, что они сотрудники одного и того же Отдела палеолита ИИМК РАН, что должно способствовать полноценному информационному обмену между коллегами. Неудивительно в этой связи, что С. Н. Лисицын широко использует сведения из работ Г. В. Сеницыной [Лисицын, 2012, 2014, 2017]. Ограничусь, впрочем, всего двумя, но как нельзя более показательными примерами – стоянками Подол III/2 и Баранова гора, поскольку знаком с их коллекциями и публикациями, мной же была написана рецензия [Сорокин, 2015] на сборник, вышедший под редакцией Г. В. Сеницыной, где приводится подробная сводка этих материалов.

В своей первой статье о геоархеологическом объекте Подол III/2 Г. В. Сеницына пишет: «На стоянке Подол III/2 в заполнении конуса выноса селевого потока дриасового времени, перекрытого обломочным материалом, были найдены предметы, характерные для среднего этапа подольской культуры, технокомплекса бромме, и среди них из другого сырья пластинка *розового кремня, полученная в технике отжима с одноплощадочного нуклеуса* (выделено мной. – А. С.)» [Сеницына, 1996, с. 23, рис. 15, 4], интерпретированная ею, как «форма пластинки, характерная для свидерской культуры» [Сеницына, 1996, с. 23]. В следующей статье она выделяет хронологические комплексы на участке, вскрытом раскопом 2, и упоминает «о двух свидерских предметах из *черного кремня* (выделено мной. – А. С.), присутствующих в коллекции» [Сеницына, Кильдюшевский, 1996, с. 139], но найденных вне селевого потока и не имеющих естественно-научных данных, позволяющих определить их возраст. И еще годом позднее Г. В. Сеницына вновь трактует пластинку из заполнения конуса выноса селевого потока как

«пластинку свидерского типа» [Синицына, Спиридонова, Лаврушин, 1997, с. 100]. Затем, в 2013 г., публикуя состав инвентаря из заполнения конуса выноса селевого потока, она высказывает предположение, что пластинка из розового кремня была вовлечена в него в результате схода значительных масс грунта и обломков породы [Синицына, 2013, с. 161, рис. 5], отчего и оказалась вместе с броммийскими изделиями. Такое объяснение вполне разумно, так как селевые потоки – один из стандартных типов педотурбаций, приводящих к перемешиванию почвенных и материковых напластований, а также смешению археологических материалов [Wood, Johnson, 1978; Vermeersh, 1999]. Кстати, та же причина могла привести и к омоложению спорово-пыльцевого спектра, однако информация об этом отсутствует [Синицына, 2013], что наводит на определенные размышления и требует безусловной проверки. Из приведенных цитат не совсем, правда, понятно, на каком основании розовая пластинка, снятая с одноплощадочного нуклеуса, стала пластинкой «свидерского типа», но во всех публикациях Г. В. Синицыной она остается пластинкой и никаких трансформаций не совершает.

В интерпретации С. Н. Лисицына тот же сюжет выглядит следующим образом: «Завершают культурную локальную последовательность финального палеолита находки из 2-го раскопа стоянки Подол III с палинологическим определением финалом Dr 3, полученным по заполнению ямы с кремневым инвентарем смешанного облика – типа бромме и свидерским наконечником [Синицына, Спиридонова, Лаврушин, 1997]» [Лисицын, 2012, с. 237; Лисицын, 2017, с. 63]. Метаморфоза поистине удивительная: это уже не пластинка розового кремня, а наконечник свидерского типа да еще из отложений финала позднего дриаса. Если бы С. Н. Лисицын внимательно читал еще Е. А. Спиридонову с А. С. Алешинской, то обязательно обратил бы внимание на таблицу [Спиридонова, Алешинская, 1999, с. 132, 133], где показана последовательность смен палинологических зон в мезолите и возраст культурных слоев основных памятников. Возможно, он и обратил бы тогда внимание, что заполнение конуса выноса селевого потока стоянки Подол III/2 определено средним дриасом (DR₂), а к финалу позднего дриаса (DR₃) отнесены отложения стоянки Усть-Тудовка 1.

В тексте Г. В. Синицыной можно прочесть: «Одним из свидетельств прямой миграции *могло бы быть приносное сырье с других, предположительно, западных территорий, но таких свидетельств нигде не установлено, напротив, все исследованные памятники привязаны к местным сырьевым источникам*⁸» [Синицына, 2013, с. 161–162]. А у С. Н. Лисицына этот же сюжет выглядит следующим образом: «Комплекс бромме-лингби в представлении Г. В. Синицыной является свидетельством *прямой миграции* (выделено мной. – А. С.) групп населения черешкового комплекса с побережья южной Балтики» [Лисицын, 2017, с. 63].

Другой пример связан с описанием Г. В. Синицыной стратиграфической колонки многослойной стоянки Баранова гора, расположенной

⁸ Выделено мной. – А. С.

неподалеку от стоянки Подол III. Она пишет: «Из всей толщи разреза взяты образцы на палинологический анализ (№ 1–18), который показал наличие... *всех позднеледниковых отложений от бёллинга до пребореала* (выделено мной. – А. С.) (рис. 5)» [О хронологии археологических ... , 2009, с. 52]. И далее в той же статье (после серии разрезов, таблиц и графиков) она продолжает: «Коллекция из отложений дриаса II выразительна по составу орудий, технике расщепления и четко отличается от материалов нижележащих (бёллинг) и вышележащих (аллерёд) отложений. Отличия прослеживаются по типу используемого кремня, по технике расщепления, размерам получаемой заготовки и типологии орудий... Судя по характеру заготовки, здесь применялся «мягкий» отбойник и шлифовка карниза... Инвентарь стоянки Акулово I и материалы из отложений дриаса II Барановой горы сопоставимы по технике плоскосторцового расщепления (рис. 14, 5, 14), характеру получаемой заготовки (рис. 14, 2, 11) и вторичной обработки... Кроме единственного целого наконечника стрелы с асимметричным коротким приостренным черешком и дополнительной его подработкой плоской вентральной ретушью (рис. 14, 1) здесь найдены резцы, скребки, скребла... Типологический анализ инвентаря из отложений дриаса II показывает его сходство с материалами стоянки Акулово I... Сходство материальной культуры усиливает моносырьевая база» [Там же, с. 66–67].

Этот же сюжет в транскрипции С. Н. Лисицына выглядит так: «Более поздний комплекс на том же памятнике (Баранова гора. – А. С.), датированный палинологически средним дриасом, залегал вне единой с предшествующим культурным слоем стратиграфической колонки. Он представлен эклектическим по составу материалом: пластинчато-отщеповая ударная техника раскалывания, аморфные бифасы и долотовидные изделия, а также острие на первичном пластинчатом отщепе, которое считается древнейшим из известных черешковых наконечников» [Лисицын, 2012, с. 237; Лисицын, 2017, с. 63]. Таким образом, и здесь налицо явное искажение исходных данных, а все утверждения автора не имеют ничего общего с первоисточниками и отражают исключительно попытки приведения данных в соответствие с «новой» периодизацией.

Следовательно, с точки зрения источниковедения методика, используемая С. Н. Лисицыным, не соответствует научным нормам и ничего положительного для развития знания дать не в состоянии.

Можно ли решать вопросы палеоэкологии на геархеологических объектах? Разумеется, можно, но они должны быть источниковедчески надежными. Отвечают ли этому критерию Вашана, Золоторучье I и Становое 4? Ни в малейшей степени. В источниковедческом отношении все три памятника безнадежны, прежде всего потому, что все они были сознательно «улучшены». Помимо этого, налицо элементарное незнание С. Н. Лисицыным базовых материалов тех «культур», которыми он пытается оперировать. Это означает, что бессмысленно углубляться в детали, проверять достоверность и обоснованность выводов, дат и фундаментальность гипотез, если базис исследования не выдерживает критики. Схема автора искусственна и не основана на фактах; более того, она прямо игнорирует их.

Следовательно, вдаваться в тонкости экологического похода С. Н. Лисицына – впустую тратить время.

Еще в 1987 г. Л. В. Кольцов совместно с М. Г. Жилиным произвел «улучшение качества» Бутово 1. Результаты были опубликованы ими позднее [Кольцов, Жилин, 1999]. Как оказалось, для доказательства единства материалов этого пункта они соединили раскопом длиной 30 м раскопы 1 и 4, вскрытые Л. В. Кольцовым еще в 1960-е гг. и удаленные друг от друга на 70 м [Сорокин, 2008]. Это, наряду с другими многочисленными случаями [Сорокин, 2001], стало причиной моего отказа от названия «бутовская культура» [Сорокин, 2008; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009]. Факты препарирования Л. В. Кольцовым и М. Г. Жилиным данных по «улучшению качества источников» хорошо известны С. Н. Лисицыну как из литературы [Сорокин, 2001; 2012a], так и по нашей с ним переписке. Однако он, вопреки этическим нормам, продолжает широко пользоваться теми же методами работы.

Любой исследователь может ошибаться и неправильно интерпретировать то или иное наблюдение, изделие, функцию; увидеть жилище и яму там, где их не было; принять сапропель за торф или торф за растительный детрит и т. д. Это может быть с каждым. Более того, любой исследователь имеет право на ошибку. Речь, однако, о другом – сознательном искажении данных, придании источнику свойств и характеристик, которыми он не обладает, когда добытые материалы намеренно приносятся в жертву «правильным» представлениям. Реанимацию С. Н. Лисицыным несостоятельных идей Л. В. Кольцова, и тем более его очередную попытку поднять на щит методику «качественного улучшения источников», считаю недостойной.

Одна из несомненных бед С. Н. Лисицына состоит в том, что он, как неоднократно мной отмечалось, практически не знаком с теми коллекциями, о которых пытается рассуждать. Это относится и к Становому 4, и к Золоторучью 1, и к Култино 1, 3, и к Иенево 2, и к Бутово 1, да и ко всем прочим стоянкам. Опыт же неумолимо свидетельствует, что виртуально-литературных познаний явно недостаточно, чтобы полноценно разбираться в том или ином предмете. Известно, чем меньше человек знает, тем на более глобальные проблемы он замахивается и пытается, походя, решить. Однако если исследователь слабо разбирается в вопросах собственной специальности, не знает базовых материалов, игнорирует факты и не умеет грамотно интерпретировать полученные сведения, бессмысленно ожидать, что он профессионал в других дисциплинах, которым специально никогда не обучался. А экологию, как известно, не преподавали на кафедре археологии Санкт-Петербургского университета в то время, когда С. Н. Лисицын там обучался. Это избавляет меня от необходимости детального разбора других, прежде всего околэкологических, проблем и сюжетов, затрагиваемых в рецензируемой статье [Лисицын, 2017].

Заключение

Не так много существует статей, которые удостоиваются рецензий, даже если они по объему претендуют на роль микромонографий. И эта осталась бы незамеченной, если бы не претензия ее автора на создание «новой» периодизации. И здесь уместно ответить цитатами: «Явно наступающая

девальвация понятия подлинности и достоверности грозит причинить науке глубокий вред» [Беляев, 2011, с. 63]. Что этому можно противопоставить? Этому можно «противопоставить только одно – критику источника. Профессиональную критику источника» [Формозов, 1977, с. 12].

Есть ли возможность разобраться с реальным возрастом и периодизацией археологических культур Центральной России? Безусловно. И перво-степенное значение здесь имеют мультислойчатые геоархеологические объекты, полноценно изученные, а не препарированные и втиснутые в мертворожденные схемы. Однако, чтобы не отнимать время читателей, позвольте сослаться на уже опубликованные работы [Сорокин, 2012б; 2016; 2017] и поставить на этом точку.

Список литературы

- Аверин В. А.* Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 / В. А. Аверин // Тверской археологический сборник. – 2002. – Вып. 5. – С. 123–126.
- Аверин В. А.* Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 / В. А. Аверин, М. Г. Жилин // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. – 2001. – Вып. 5. – С. 8–6.
- Анисюткин Н. К.* Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области / Н. К. Анисюткин, С. Н. Лисицын // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. – М., 2007. – С. 134–148.
- Беляев Л. А.* Заметки о фальсификатах в археологии / Л. А. Беляев // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. – М., 2011. – С. 51–66.
- Еременко Е. А.* Ложбинный мезорельеф Восточно-Европейской равнины / Е. А. Еременко, А. В. Панин. – М. : МИРОС, 2010. – 192 с.
- Жилин М. Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью / М. Г. Жилин // Тверской археологический сборник. – 1998. – Вып. 3. – С. 25–31.
- Жилин М. Г.* Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье / М. Г. Жилин // Тверской археологический сборник. – 2002. – Вып. 5. – С. 107–116.
- Жилин М. Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья / М. Г. Жилин. – М. : ИА РАН, 2007. – 142 с.
- Зарецкая Н. Е.* Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) / Н. Е. Зарецкая, О. И. Успенская, М. Г. Жилин // Твер. археол. сб. – 2002. – Вып. 5. – С. 117–122.
- Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья / Л. В. Кольцов // Мезолит СССР. – М. : Наука, 1989. – С. 68–84, 86, 247–259 (Археология СССР).
- Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры) / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – М. : Наука, 1999. – 157 с.
- Кравцов А. Е.* Об источниках для изучения Волго-Окского мезолита и некоторых принципах их анализа / А. Е. Кравцов // Проблемы каменного века Русской равнины. – М., 2004. – С. 29–48.
- Кравцов А. Е.* К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья / А. Е. Кравцов, Е. В. Леонова, С. Ю. Лев // Твер. археол. сб. – 1994. – Вып. 1. – С. 26–29.
- Кравцов А. Е.* Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере / А. Е. Кравцов, В. М. Лозовский // СА. – 1989. – № 4. – С. 161–168.

Кравцов А. Е. Материалы к обоснованию возраста стоянки Черная 1 / А. Е. Кравцов, В. М. Лозовский, Е. А. Спиридонова // Древности Оки. – М. : ГИМ, 1994. – С. 117–131. – (Тр. ГИМ ; вып. 85)

Кравцов А. Е. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности / А. Е. Кравцов, В. Ю. Луньков // РА. – 1994. – № 2. – С. 112–117.

Крайнов Д. А. Дюнная стоянка Золоторучье 1 / Д. А. Крайнов // КСИИМК. – 1959. – Вып. 75. – С. 63–69.

Крайнов Д. А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья / Д. А. Крайнов // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 3–19.

Лисицын С. Н. Моделирование первичного заселения человеком бывших ледниковых областей на примере Северо-Запада / С. Н. Лисицын // In situ: к 85-летию профессора А. Д. Столяра. – СПб., 2006. – С. 87–109.

Лисицын С. Н. Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на Северо-Западе Восточной Европы / С. Н. Лисицын // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М., 2010. – С. 56–66.

Лисицын С. Н. Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья / С. Н. Лисицын // Записки ИИМК РАН. – 2011. – Вып. 6. – С. 104–118.

Лисицын С. Н. Дискуссионные вопросы периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжье / С. Н. Лисицын // КСИА. – 2012. – Вып. 227. – С. 233–242.

Лисицын С. Н. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы / С. Н. Лисицын // Каменный век: от Атлантики до Пацифики: Замятинский сборник. – СПб., 2014. – Вып. 3. – С. 85–109.

Лисицын С. Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе / С. Н. Лисицын // Stratum plus. – 2017. – № 1. – С. 59–110.

О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области / Г. В. Сеницына, Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова, Е. Г. Гуськова, О. М. Распопов, А. Г. Иосифиди // Тверской археологический сборник. – 2009. – Вып. 7. – С. 52–70.

Панин А. В. Флювиальные процессы и речной сток на Русской равнине в конце поздневалдайской эпохи / А. В. Панин, А. Ю. Сидорчук, О. К. Борисова // Горизонты географии (к 100-летию К. К. Маркова). – М., 2005. – С. 114–127.

Панин А. В. Основные этапы формирования пойм равнинных рек Северной Евразии / А. В. Панин, А. Ю. Сидорчук, А. В. Чернов // Геоморфология. – 2011. – № 3. – С. 20–31.

Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии / В. В. Сидоров. – М. : Таус, 2009. – 216 с.

Сеницына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях / Г. В. Сеницына. – СПб. : ИИМК РАН, 1996. – 48 с. – (Археологические изыскания ; вып. 39)

Сеницына Г. В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге / Г. В. Сеницына // Твер. археол. сб. – 2000. – Вып. 4, т. 1. – С. 61–71.

Сеницына Г. В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена и голоцена (вопросы адаптации) / Г. В. Сеницына // Путь на север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М., 2008. – С. 161–172.

Сеницына Г. В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на Северо-Западе Русской равнины / Г. В. Сеницына // Проблемы заселения Севе-

ро-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). – СПб., 2013. – С. 152–181.

Синицына Г. В. О финальном палеолите на Валдайской возвышенности (дискуссионные вопросы) / Г. В. Синицына // Твер. археол. сб. – 2015. – Вып. 10, т. 1. – С. 11–23.

Синицына Г. В. Хронологические комплексы памятника Подол III / Г. В. Синицына, В. И. Кильдюшевский // Твер. археол. сб. – 1996. – Вып. 2. – С. 133–140.

Синицына Г. В. Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и Скандинавии / Г. В. Синицына, Е. А. Спиридонова, Ю. А. Лаврушин // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – СПб., 1997. – С. 86–103.

Синицына Г. В. Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра / Г. В. Синицына, Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2012. – Вып. 1. – С. 192–204.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция / Ю. Б. Симченко. – М. : Наука, 1976. – 313 с.

Сорокин А. Н. Рецензия: Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры / А. Н. Сорокин // РА. – 2001. – № 3. – С. 154–162.

Сорокин А. Н. Мезолит Оки. Проблема культурных различий / А. Н. Сорокин. – М. : ТАУС, 2006. – 312 с.

Сорокин А. Н. Мезолитоведение Поочья / А. Н. Сорокин. – М. : Гриф и К, 2008. – 327 с.

Сорокин А. Н. Лепота изБранного / А. Н. Сорокин. – Тула : Гриф и К, 2012а. – 236 с.

Сорокин А. Н. Многослойные памятники Русской равнины: состояние и перспективы / А. Н. Сорокин // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2012б. – Вып. 1. – С. 205–218.

Сорокин А. Н. Рецензия на сборник «Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)» / А. Н. Сорокин // РА. – 2015. – № 2. – С. 186–187.

Сорокин А. Н. Очерки источниковедения каменного века / А. Н. Сорокин. – М. : ИА РАН, 2016. – 248 с.

Сорокин А. Н. Шагара 4 как геоархеологический источник / А. Н. Сорокин. – М. : ИА РАН, 2017. – 216 с.

Сорокин А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – М. : Гриф и К, 2009. – 388 с.

Спиридонова Е. А. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья / Е. А. Спиридонова, А. С. Алешинская // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. – М., 1999. – С. 127–141. – (Тр. ГИМ ; вып. 103)

Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / В. И. Николаев, П. Якумин, А. Л. Александровский, А. Б. Белинский, В. А. Демкин, Л. Женони, Р. Г. Грачева, А. Лонжинелли, А. А. Малышев, М. Рамини, Я. Г. Рысков, А. Н. Сорокин, В. П. Стрижов, Л. Т. Яблонский. – М. : Триест, 2002. – 190 с.

Сыроечковский Е. Е. Северный олень / Е. Е. Сыроечковский. – М. : Агропромиздат, 1986. – 256 с.

Формозов А. А. Критика археологических источников / А. А. Формозов // СА. – 1977. – № 1. – С. 3–12.

Fischer A. Late Palaeolithic Finds / A. Fischer // Archaeological Formation Processes The Representativity of Archaeological Remains from Danish Prehistory. – Kobenhavn, 1985. – P. 81–88.

Fischer A. A Late Palaeolithic “School” of Flint-Knapping at Trollesgave, Denmark. Results from Refitting / A. Fischer // *Acta Archaeologica*. – Kobenhavn, 1990. – Vol. 60. – P. 33–49.

Mesolithic-Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia) / R. Gracheva, J. Vandenberghe, A. Sorokin, E. Malyasova, O. Uspenskaya // *Quaternary International*. – 2015. – Vol. 370. – P. 29–39.

Ostrauskas T. Kabeliu 2-oji akmenis amžiaus gyvenvietė / T. Ostrauskas // *Lietuvos archeologija*. – 1999. – Vol. 16. – P. 31–66.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit / W. Taute // *Fundamenta*. Reihe A. Band 5. – Köln, Graz : Böhlau, 1968. – 516 p.

Vandenberghe J. Postglacial floodplain development and Mesolithic-Neolithic occupation in the Russian forest zone / J. Vandenberghe, R. Gracheva, A. Sorokin // *Proceedings of the Geologists' Association*. – 2010. – Vol. 121, Is. 2. – P. 229–237.

Vermeersch P. M. Postdepositional Processes on Epipalaeolithic and Mesolithic Site in the Sandy Area of Western Europe / P. M. Vermeersch // *Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. L'Europe des derniers chasseurs: Epipalaeolithique et Mesolithique. Actes du 5-e Colloque international UISPP, Commission XII, Grenoble, 18-23 Septembre 1995*. – Paris : Editions du CTHS, 1999. – P. 159–166.

Wood W. R. A survey of disturbance processes in archaeological site formation / W. R. Wood, D. L. Johnson // *Advances in Archaeological Method and Theory*. – New York, 1978. – Vol. 1. – P. 315–381.

Ecological Approach in the Prism of Source Study

A. N. Sorokin

Institute of Archaeology RAS, Moscow

Abstract. The problem of human development of the territory of Central Russia in the Late Pleistocene and Early Holocene, mostly due to the absence of well-stratified and fully studied monuments, remains very relevant. This is not the first time that S. S. Lisitsyn speaks on this matter. The reason for the appearance of this review was the publication in the journal «Stratum plus» of his program article “The Ecological Approach to the Periodization of the Final Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga Region”. Of all the diversity of the Final Paleolithic and Mesolithic cultures of Central Russia (Resseta, Bromme-Lyngby, Ahrensburg, Podolsk, Valdai, Zadnepilevo, Kultino, Purgasovo) and more than two and a half thousand monuments, S. N. Lisitsyn depicted only three points that have been chosen to create their periodization: Vashana, Zolotoruchie 1 and Stanovoe 4, that, to his mind, are related to the tradition of cultures with cilia heads of arrows. The strangeness of such a choice is evident from the fact that there are no such tips at all in two of the three site lots (Vashana and Zolotoruchie 1). Source analysis of the data underlying his research shows that to the “reference” complexes (Vashana, Zolotoruchie 1 and Stanovoe 4) were consciously attributed properties that they do not really have. It was established that all basic characteristics of geoarchaeological objects of the Volga-Oka interfluvium have been subjected to this procedure, which were selected by the author as support for the development of their periodization, including stratigraphy of sediments, technology of splitting stone implements, sets of artifacts, palynological definitions and radiocarbon dates. The foundations of such an approach, known in the literature as a “method of improving the quality of sources”, were laid in the 1960s and 1980s by L. V. Koltsov and developed in the 1990–2010s by M. G. Zhilin during the collection of materials to the candidate and doctoral dissertations. This can only be countered by one – professional criticism of the source. To understand the real age and periodization of the

archeological cultures of Central Russia, we should rely on materials of fully studied multilayered geoarchaeological objects.

Keywords: Central Russia, Pleistocene, Holocene, Final Paleolithic, Mesolithic, geoarchaeological sources, criticism.

References

Anisyutkin N. K., Lisitsyn S. N. Stoyanka Vashana – pamyatnik rubezha pleistotsena i golotsena v Tulskei oblasti [Vashana site – a site of the turn of the Pleistocene–Holocene in the Tula region]. *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kultur lesnoi zony Severnoi Evrazii v finalnom pleistotsene – rannem golotsene* [Originality and peculiarities of adaptation of cultures of the forest zone of Northern Eurasia in the Final Pleistocene – Early Holocene]. Moscow, 2007, pp. 134–148. (In Russ.)

Averin V. A. Ienevskii sloi torfyanikovogo poseleniya Stanovoe 4 [Ienevo layer of peat settlement Stanovoe 4]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection]. 2002, Is. 5, pp. 123–126. (In Russ.)

Averin V. A., Zhilin M. G. Kamennyi inventar mezoliticheskikh sloev poseleniya Stanovoe 4 [Stone tools of Mesolithic layers of Stanovoye 4 settlement]. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii* [Nizhny Novgorod research on local history and archaeology]. 2001, Is. 5, pp. 6–8. (In Russ.)

Belyaev L. A. Zametki o falsifikatakh v arkheologii [Notes on the forgeries in Archaeology]. *Falsifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticheskikh mifov* [Falsification of historical sources and construction of ethnocentric myths]. Moscow, 2011, pp. 51–66. (In Russ.)

Eremenko E. A., Panin A. V. *Lozhbinnyi mezorelief Vostochno-Evropeiskoi ravniny* [Valleculate mesorelief of the East European plain]. Moscow, MIROS Publ., 2010, 192 p. (In Russ.)

Fischer A. Late Palaeolithic Finds. *Archaeological Formation Processes the Representativity of Archaeological Remains from Danish Prehistory*. Kobenhavn, 1985, pp. 81–88.

Fischer A. A Late Palaeolithic “School” of Flint-Knapping at Trollesgave, Denmark. Results from Refitting. *Acta Archaeologica*. Kobenhavn, 1990, Vol. 60, pp. 33–49.

Formozov A. A. Kritika arkheologicheskikh istochnikov [Criticism of archaeological sources]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1977, Is. 1, pp. 3–12. (In Russ.)

Gracheva R., Vandenberghe J., Sorokin A., Malyasova E., Uspenskaya O. Mesolithic–Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia). *Quaternary International*. 2015, Vol. 370, pp. 29–39.

Koltsov L. V. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurechiya [The Mesolithic of Volga-Oka interfluvium]. *Mezolit SSSR* [The Mesolithic of the USSR]. *Arkheologiya SSSR* [Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 68–84, 86, 247–259. (In Russ.)

Koltsov L. V., Zhilin M. G. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurechiya (pamyatniki butovskoi kultury) [The Mesolithic of Volga-Oka interfluvium (sites of the Butovo culture)]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 157 p. (In Russ.)

Krainov D. A. Dyunnaya stoyanka Zolotoruchie 1 [The dune site Zolotoruchye 1]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoi kultury* [Brief reports of the Institute of History of Material Culture]. 1959, Is. 75, pp. 63–69. (In Russ.)

Krainov D. A. Nekotorye spornye voprosy drevneishei istorii Volgo-Okskogo mezhdurechiya [Some controversial issues of the ancient history of the Volga-Oka interfluvium]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology]. 1964, Is. 97, pp. 3–19. (In Russ.)

Kravtsov A. E. Ob istochnikakh dlya izucheniya Volgo-Okskogo mezolita i nekotorykh printsipakh ikh analiza [On the sources for the study of Mesolithic of Volga-Oka interfluvium and some principles of their analysis]. *Problemy kamennogo veka Russkoi ravniny* [Problems of the Stone Age of the Russian plain]. Moscow, 2004, pp. 29–48. (In Russ.)

Kravtsov A. E., Lozovskii V. M. Mezoliticheskaya stoyanka Chernaya 1 v Meshchere [Mesolithic site Chernaya 1 in Meshchera]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*. 1989, Is. 4, pp. 161–168. (In Russ.)

Kravtsov A. E., Lunkov V. Yu. Novaya mezoliticheskaya stoyanka v zapadnoi chasti Meshcherskoi nizmennosti [New Mesolithic site in the Western part of Meshchera lowland]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*. 1994, Is. 2, pp. 112–117. (In Russ.)

Kravtsov A. E., Leonova E. V., Lev S. Yu. K voprosu o meste ienevskoi kultury v mezolite Volgo-Okskogo mezhdurechiya [To the question about the place of the Ienevo culture in the Mesolithic of Volga-Oka interfluve]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 1994, Is. 1, pp. 26–29. (In Russ.)

Kravtsov A. E., Lozovskii V. M., Spiridonova E. A. Materialy k obosnovaniyu vozrasta stoyanki Chernaya 1 [Materials for the study of the age of the site Chernaya 1]. *Drevnosti Oki [Antiquities of Oka River]. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya; vyp. 85 [Proceedings of the State Historical Museum; Is. 85]*. Moscow, SHM Publ., 1994, pp. 117–131. (In Russ.)

Lisitsyn S. N. Modelirovanie pervichnogo zaseleniya chelovekom byvshikh lednikovyykh oblastei na primere Severo-Zapada [Modeling of primary human colonization of former glacial regions by the example of the North-West]. *In situ: k 85-letiyu professora A. D. Stolyara [In situ: to the 85th anniversary of professor A. D. Stolyar]*. St. Petersburg, 2006, pp. 87–109. (In Russ.)

Lisitsyn S. N. Klimaticheskaya perestroika na rubezhe paleolita i mezolita kak faktor kulturogenеза na Severo-Zapade Vostochnoi Evropy [Climatic restructuring at the turn of Paleolithic and Mesolithic as a factor of cultural genesis in the Northwest of Eastern Europe]. *Adaptatsiya narodov i kultur k izmeneniyam prirodnoi sredy, sotsialnym i tekhnogennym transformatsiyam [Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and technological transformations]*. Moscow, 2010, pp. 56–66. (In Russ.)

Lisitsyn S. N. Stoyanka Vashana i voprosy khronostratigrafii rannego mezolita Volgo-Okskogo mezhdurechiya [Vashana site and questions of chronostratigraphy of the Early Mesolithic of the Volga-Oka interfluve]. *Zapiski Instituta istorii materialnoi kultury RAN [Proceedings of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]*. 2011, Is. 6, pp. 104–118. (In Russ.)

Lisitsyn S. N. Diskussionnye voprosy periodizatsii finalnogo paleolita i rannego mezolita v Verkhnevolzhie [Discussion issues of periodization of the Final Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology]*. 2012, Is. 227, pp. 233–242. (In Russ.)

Lisitsyn S. N. Tekhnokompleksy rubezha pleistotsena i golotsena v lesnoi zone Vostochnoi Evropy [Techno-complexes of the boundary of the Pleistocene and the Holocene in the forest zone of Eastern Europe]. *Kamennyi vek: ot Atlantiki do Patsifiki: Zamyatninskii sbornik [Stone Age: from the Atlantic to the Pacific: Zamyatnin's collection]*. St. Petersburg, 2014, Is. 3, pp. 85–109. (In Russ.)

Lisitsyn S. N. Ekologicheskii podkhod k periodizatsii finalnogo paleolita i rannego mezolita v Verkhnevolzhskom regione [Ecological approach to the periodization of the Final Paleolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga region]. *Stratum plus [Stratum plus]*. 2017, Is. 1, pp. 59–110. (In Russ.)

Nikolaev V. I., Yakumin P., Aleksandrovskii A. L., Belinskii A. B., Demkin V. A., Zhenoni L., Gracheva R. G., Lonzhinelli A., Malyshev A. A., Ramini M., Ryskov Ya. G., Sorokin A. N., Strizhov V. P., Yablonskii L. T. *Sreda obitaniya cheloveka v golotsene po dannym izotopno-geokhicheskikh i pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy (Evropeiskaya chast Rossii) [Human habitat in the Holocene according to isotope-geochemical and soil-archaeological studies (European part of Russia)]*. Moscow, Triest Publ., 2002, 190 p. (In Russ.)

Ostrauskas T. Kabeliu 2-oji akmenų amžiaus gyvenvietė. *Lietuvos archeologija*. 1999, Vol. 16, pp. 31–66. (In Lithuanian)

Panin A. V., Sidorchuk A. Yu., Borisova O. K. Flyuvialnye protsessy i rechnoi stok na Russkoi ravnine v kontse pozdnevaldaiskoi epokhi [Fluvial processes and river runoff on the Russian plain at the end of the Late Valdai era]. *Gorizonty geografii (k 100-letiyu K. K. Markova) [Horizons of Geography (to the 100th anniversary of K. K. Markov)]*. Moscow, 2005, pp. 114–127. (In Russ.)

Panin A. V., Sidorchuk A. Yu., Chernov A. V. Osnovnye etapy formirovaniya poim ravninnykh rek Severnoi Evrazii [The main stages of floodplain formation of the plain rivers of Northern Eurasia]. *Geomorfologiya [Geomorphology]*. 2011, Is. 3, pp. 20–31. (In Russ.)

Sidorov V. V. *Rekonstruktsii v pervobytnoi arkheologii [The reconstruction of Prehistoric Archaeology]*. Moscow, Taus Publ., 2009, 216 p. (In Russ.)

Simchenko Yu. B. *Kultura okhotnikov na olenei Severnoi Evrazii. Etnograficheskaya rekonstruktsiya [The culture of deer hunters in Northern Eurasia. Ethnographic reconstruction]*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 313 p. (In Russ.)

Sinitsyna G. V. Issledovanie finalnopaleoliticheskikh pamyatnikov v Tverskoi i Smolenskoi oblastiakh [The study of the Late Paleolithic sites in the Tver and Smolensk districts]. *Arkheologicheskie izyskaniya; vyp. 39 [Archaeological Research; Is. 39]*. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 1996, 48 p. (In Russ.)

Sinitsyna G. V. Finalnyi paleolit i rannii mezolit – etapy razvitiya materialnoi kultury na Verkhnei Volge [A Final Paleolithic and Early Mesolithic – stages of development of material culture on the Upper Volga]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 2000, Is. 4, Vol. 1, pp. 61–71. (In Russ.)

Sinitsyna G. V. Zaselenie Valdaiskoi vozvyshehnosti na rubezhe pleistotsena i golotsena (voprosy adaptatsii) [Colonization of Valdai Upland at the turn of Pleistocene and Holocene (adaptation issues)]. *Put na sever: Okruzhayushchaya sreda i samye rannie obitateli Arktiki i Subarktiki [The road to the North: the environment and the earliest inhabitants of the Arctic and Subarctic]*. Moscow, 2008, pp. 161–172. (In Russ.)

Sinitsyna G. V. O migratsiyakh i avtokhtonnom razvitii kultur finalnogo paleolita na Severo-Zapade Russkoi ravniny [On migration and autochthonous development of cultures of the Final Paleolithic in the North-West of the Russian plain]. *Problemy zaseleniya Severo-Zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i finalnom paleolite (kulturno-istoricheskie protsessy) [Problems of colonization of the North-West of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (cultural and historical processes)]*. St. Petersburg, 2013, pp. 152–181. (In Russ.)

Sinitsyna G. V. O finalnom paleolite na Valdaiskoi vozvyshehnosti (diskussionnye voprosy) [About the Final Paleolithic on the Valdai Upland (discussion questions)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 2015, Is. 10, Vol. 1, pp. 11–23. (In Russ.)

Sinitsyna G. V., Kildyushevskii V. I. Khronologicheskie komplekсы pamyatnika Podol III [Chronological complexes of the Podol III site]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 1996, Is. 2, pp. 133–140. (In Russ.)

Sinitsyna G. V., Spiridonova E. A., Lavrushin Yu. A. Prirodnaya sreda i vozmozhnye migratsii pervobytnogo cheloveka na rubezhe pleistotsena–golotsena na severe Russkoi Ravniny i Skandinavii [Natural environment and possible migration of primitive man at the turn of the Pleistocene–Holocene in the North of the Russian Plain and Scandinavia]. *Pervye Skandinavskie chteniya. Etnograficheskie i kulturno-istoricheskie aspekty [The First Scandinavian readings. Ethnographic and cultural-historical aspects]*. St. Petersburg, 1997, pp. 86–103. (In Russ.)

Sinitsyna G. V., Lavrushin Yu. A., Spiridonova E. A. Geoarkheologicheskie obiekty finalnogo paleolita: Baranova gora, Podol III/1, Vyshegora I na velikom vodorazdele Volgi i Dnepra [Geoarchaeological sites of the Final Paleolithic: Baranova gora, Podol III/1, Vyshegora I on the great watershed of the Volga and the Dnieper rivers]. *Evraziya v kainozoe*.

Stratigrafiya, paleoekologiya, kultura [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]. 2012, Vol. 1, pp. 192–204. (In Russ.)

SinitSYna G. V., Lavrushin Yu. A., Spiridonova E. A., Guskova E. G., Raspopov O. M., Iosifidi A. G. O khronologii arkheologicheskikh materialov i vozraste vmeshchayushchikh otlozhenii mnogoslainoi stoyanki Baranova gora v Tverskoi oblasti [About chronology of archaeological materials and age of accommodating deposits of the multilayered site Baranova Gora in the Tver district]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 2009, Is. 7, pp. 52–70. (In Russ.)

Sorokin A. N. Retsenziya: Koltsov L. V., Zhilin M. G. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurechiya. Pamyatniki butovskoi kulture [Review: Koltsov L. V., Zhilin M. G. Mesolithic of Volga-Oka interfluvium. Sites of the Butovo culture]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*. 2001, Is. 3, pp. 154–162. (In Russ.)

Sorokin A. N. *Mezolit Oki. Problema kulturnykh razlichii [The Mesolithic of the Oka River. The problem of cultural differences]*. Moscow, TAUS Publ., 2006, 312 p. (In Russ.)

Sorokin A. N. *Mezolitovedenie Poochiya [The study of the Mesolithic of the Oka region]*. Moscow, Grif i K Publ., 2008, 327 p. (In Russ.)

Sorokin A. N. *Lepota izBrannogo [Beauty of the Chosen]*. Tula, Grif i K Publ., 2012a, 236 p. (In Russ.)

Sorokin A. N. Mnogosloinye pamyatniki Russkoi ravniny: sostoyanie i perspektivy [Multilayered sites of Russian plains: status and prospects]. *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultura [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]*. 2012b, Vol. 1, pp. 205–218. (In Russ.)

Sorokin A. N. Retsenziya na sbornik «Problemy zaseleniya severo-zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i finalnom paleolite (kulturno-istoricheskie protsessy)» [Review of the collection "Problems of colonization of the North-West of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (cultural and historical processes)"]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*. 2015, Is. 2, pp. 186–187. (In Russ.)

Sorokin A. N. *Ocherki istochnikovedeniya kamennogo veka [Essays on source studies of the Stone Age]*. Moscow, IA RAS Publ., 2016, 248 p. (In Russ.)

Sorokin A. N. *Shagara 4 kak geoarkheologicheskii istochnik [Shagara 4 site as geoarchaeological source]*. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 216 p. (In Russ.)

Sorokin A. N., Oshibkina S. V., Trusov A. V. *Na perelome epoch [At the turn of epochs]*. Moscow, Grif i K Publ., 2009, 388 p. (In Russ.)

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S. Opyt primeneniya palinologicheskogo analiza dlya periodizatsii mezolita Volgo-Okskogo mezhdurechiya [Experience of application of pollen analysis to the periodization of the Mesolithic of Volga-Oka interfluvium]. *Istoricheskii muzei – entsiklopediya otechestvennoi istorii i kulture [Historical Museum – encyclopedia of Russian history and culture]*. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya; vyp. 103 [Proceedings of the State Historical Museum; Is. 103]*. Moscow, 1999, pp. 127–141. (In Russ.)

Syroechkovskii E. E. *Severnyi olen [Reindeer]*. Moscow, Agropromizdat Publ., 1986, 256 p. (In Russ.)

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. *Fundamenta. Reihe A. Band 5*. Köln, Graz, Böhlau, 1968, 516 p. (In German)

Vandenbergh J., Gracheva R., Sorokin A. Postglacial floodplain development and Mesolithic-Neolithic occupation in the Russian forest zone. *Proceedings of the Geologists' Association*. 2010, Vol. 121, Is. 2, pp. 229–237.

Vermeersch P. M. Postdepositional Processes on Epipalaeolithic and Mesolithic Site in the Sandy Area of Western Europe. *Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. L'Europe des derniers chasseurs: Epipalaeolithique et Mesolithique. Actes du 5-e Colloque international UISPP, Commission XII, Grenoble, 18–23 Septembre 1995*. Paris, Editions du CTHS, 1999, pp. 159–166.

Wood W. R., Johnson D. L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation. *Advances in Archaeological Method and Theory*. New York, 1978, Vol. 1, pp. 315–381.

Zaretskaya N. E., Uspenskaya O. I., Zhilin M. G. Vozrast i geneticheskie tipy otlozhenii dvukh razrezov mnogosloinogo poseleniya Stanovoe 4 (Ivanovskaya oblast) [Age and genetic types of deposits of the two sections of the multilayer settlement Stanovoe 4 (Ivanovo district)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 2002, Is. 5, pp. 117–122. (In Russ.)

Zhilin M. G. Adaptatsiya mezoliticheskikh kultur Verkhnego Povolzh'ya k kamennomu syriyu [Adaptation of the Mesolithic cultures of the Upper Volga region to the stone raw material]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 1998, Is. 3, pp. 25–31. (In Russ.)

Zhilin M. G. Stratigrafiya i planigrafiya mnogosloinogo poseleniya Stanovoe 4 v Verkhnem Povolzh'ye [Stratigraphy and planigraphy of multilayer settlement Stanovoe 4 in Upper Volga region]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection]*. 2002, Is. 5, pp. 107–116. (In Russ.)

Zhilin M. G. *Finalnyi paleolit Yaroslavskogo Povolzh'ya [The Final Paleolithic of the Yaroslavl Volga region]*. Moscow, IA RAS Publ., 2007, 142 p. (In Russ.)

Сорокин Алексей Николаевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН; Россия, 117036, Москва, ул. Д. Ульянова, 19
e-mail:ansorokin52@gmail.com

Sorokin Aleksei Nikolaevich

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Archaeological Heritage Preservation, Institute of Archaeology RAS; 19, Dm. Ulianov st., Moscow, Russia, 117036
e-mail:ansorokin52@gmail.com